

ПОЭЗИЯ

Невольное прозрение

Моск. новости - 1994 - 13 до февр. - с. 35

Сразу же скажу, что я пристрастен к стихам Кирилла Ковальджи. Да, собственно, по-другому и быть не должно. Читатель выбирает поэта, но ни в коем случае не наоборот. Разумеется, были у нас витии, которые старались затолкнуть, как кляп, свои стихи через усилители дворцов спорта (и небезуспешно). А мне с К.Ковальджи хотелось говорить примерно так:

*От невольных прозрений завишу,
Не поймать — исчезают скользья...
На мновение вижу и слышу
то, что видеть и слышать нельзя.*

Всякий раз, открывая поэтическую книгу, я задаюсь вопросом: по вдохновению написаны эти стихи или для печати? И ответ, как правило, печален. Как судачили злые языки, печаталась всякая «долмато-матусовско-ошань» (кажется, острота принадлежит Николаю Глазкову). Поэзии в высоком смысле как бы не существовало (разве что в самиздате).

И вот идут другие времена, позади — пропасть, впереди — подведение итогов.

*Я жил не как поэт,
искусства не улучшил,
служил всю жизнь, как Тютчев,
остарился, как Фет...*

Тонкая, точная мысль, без напора, без усилий. Я говорю с умным собеседником, чувствующим мою душу, разделяющим мое отношение к прекрасному.

Я вижу стройную архитектуру его своеобразного поэтического мира. Проза менее архитектурна, хотя тоже строится по законам архитектуры. Но поэзия — особая статья.

*Когда до учебных пособий
докатишься в славе своей,
окажешься в мире подобий
и выйдешь на свет без теней.*

*От жизни останутся даты,
вопросы получают ответ,
стихи обратятся в цитаты,
лицо превратится в портрет...*

*Побудь же у славы в отгуле.
Поспорь со своею судьбой,
пока тебе рот не заткнули
строкой, сочиненной тобой!*

Поэт встраивает себя в литературу, к его появлению уже спроектированную и построенную, и в этом заключена вся сложность: крыльчком ли он прилепится, или надстроит целый этаж, или уже внутри дома потеснит кого-нибудь и выгородит себе комнатку.

Архитектурный облик литературы с течением времени постоянно меняется. Объяснение здесь простое: литература отдала свои территории политике, философии, истории, публицистике и заняла единственное уготованное ей место — литературы, то есть мышления в образах.

Говоря о поэзии Ковальджи, я бы хотел заметить, что он так и понимает литературу как мышление в образах. Тут теоретические изыскания Михаила Бахтина и практическая работа Кирилла Ковальджи совпадают, здесь полюса сходятся и законы жизни уступают место поэтическим законам.

Для художества нужны художники! Собственно художеством вот уже 45 лет занимается Кирилл Ковальджи. Иногда с саркастической улыбкой:

*Вас Бог наставлял из куста,
откуда ж оплошностей масса?
Еврей, признайте Христа
и отрекитесь от Маркса!*

Первые его стихи были опубликованы в Кишиневе. (Теперь уже можно сказать — за границей! И добавить с присущим поэту юмором: а не диссидент ли этот самый Ковальджи, и что за фамилия такая?! Он родился и детские годы прожил за рубежом. Причем не съезжая с места. Это граница бегала туда-сюда — то Румыния, то СССР!

*Затолкан толпою, покинешь ты город
и станешь воздвигать грядки.
История спорна. О мифах не спорят.
Не люди дурны, а порядки.*

Порядки были таковы, что дурных людей уж очень много оказалось у нас. А к новым порядкам никак не привыкнул. То же касается писавших для печати: никто не хочет их теперь печатать, поскольку само понятие печатания изменилось. Не изменился Ковальджи, поэтому его печатают. За долгое время его работы в литературе вспыхивали и гасли поэтические имена, разыгрывались на страницах печатных изданий бури в стаканах воды, но сейчас на поэтическом

45-летний итог творчества Кирилла Ковальджи

фронте затишье, заключено перемирие, все разошлись по домам, где только и должно читать стихи.

*Прожив солидный срок,
припомнил все подробно,
и был правдив итог:
жизнь неправдоподобна.*

Как страдала под прессом большевизма чуткая поэтическая душа! Недаром с таким шемящим чувством читаются строки Ковальджи на смерть поэта Арсения Тарковского с эпиграфом из него: «Я жизнь люблю и умереть боюсь...»:

*... и лежал он, уже ничего не боясь,
утопая в цветах. Для него началась —
не расскажет, какая — дорога,
нам еще горевать у порога
и бояться черты роковой,
где рыдает Шопен, как живой.*

Я бы выделил в этом тематическом ряду и строки о Мандельштаме:

*Прекрасный дар невзрачного еврея
отвергла, погубила, приняла
Россия, о содеянном жалея...
Но дух не просит места у стола.
Он возвратился, и как сын России
он здесь, среди сегодняшних людей,
и удивляется: где идолы литые?
Куда они девались с площадей?*

Видел бы Осип Эмильевич, как сначала, в 1958 году, воздвигали памятник палачу Дзержинскому (я представляю весь ужас Мандельштама!) и как в 1991 году сдернули его с постамента стальной петлей за шею.

Ковальджи остался верен настоящей поэзии, он вместе с Мандельштамом мог бы сказать: «Какой я к черту писатель! Пошли вон, дураки!»

Меняются времена, но не меняется поэт, поскольку он во власти своего голоса, своего дыхания, своей кантилены.

*...не глядя, прыгну выше планки,
а дальше — крылья понесут...
Пускай тогда, как вихрь гулянки,
На Белорусском, у Таганки
или в метро ко мне цыганки,
шурша платками, подбегут.*

Юрий КУВАЛДИН